Послевоенные погромы, или «незаконченная работа Гитлера»

Похороны жертв погрома в Кельце

В мае 1945-го по Европе прокатилась волна ликования по поводу окончания войны. Фоном эйфории служили руины, скорбь и чувство опустошенности.

За шесть лет погибли 75 миллионов человек: 49 миллионов гражданских и 26 миллионов военных. Восточная Европа потеряла в десять раз больше людей, чем Западная. В Польше был убит каждый шестой житель. В СССР погибли как минимум 16 миллионов гражданских и 8,6 миллионов солдат и офицеров.

Особняком среди жертв стоят евреи — операция по их планомерному уничтожению унесла жизни 6 миллионов. Их убивали целыми семьями от стариков до младенцев. Большинство жертв Холокоста жили в Восточной Европе, половина — в Польше.

Совершенно очевидно, что во всех странах (за исключением Болгарии) уцелела лишь малая часть довоенной еврейской общины. Выжили примерно 55 тысяч из 357 тысяч чехословацких евреев, примерно 250 тысяч из 825 тысяч венгерских, около 20 тысяч из 80 тысяч югославских. В Румынии при «Железной гвардии» и генерале Антонеску погибли примерно 380 тысяч евреев (остались в живых 350 тысяч).

Политика в отношении выживших в Холокосте

После войны страны Восточной и Центральной Европы оказались в орбите СССР. Процесс подчинения везде шел по-разному, но можно выделить общие тенденции, его отличавшие. Политика коммунистических стран в отношении выжившего еврейского населения тоже имела общие черты. Оно стало объектом международной заботы. Изначально государства Восточной Европы предоставили еврейским организациям широкую свободу и автономию. В Польше, Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии и Чехословакии они имели самый пестрый состав (от сионистов до коммунистов). Также было позволено работать религиозным, культурным, образовательным и профсоюзным организациям.

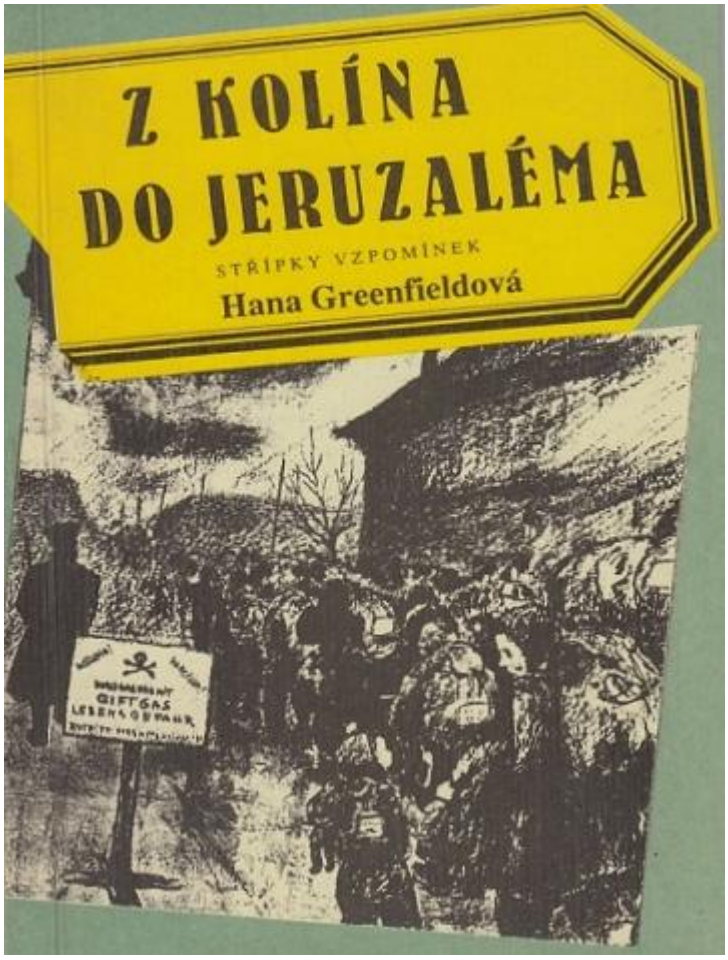
Урок иврита в лагере для перемещенных лиц, Берген-Бельзен, архив "Яд Вашем"

Легальные сионистские партии в Будапеште, Бухаресте, Праге или Софии открыто призывали к созданию еврейского государства в Палестине и боролись за право на свободную эмиграцию. Репатриацию ограничивала британская Белая книга от 1939 года, поэтому многие эмигранты пытались попасть в Эрец Исраэль нелегально. До 1948 года примерно 250 тысяч переживших Холокост евреев застряли в лагерях для перемещенных лиц в оккупационных зонах Германии и Австрии.

Цель: эмиграция

В британских отчетах за 1945 год говорится, что уехать хотели 70% евреев Венгрии (из них 40% в Палестину) и почти половина евреев Болгарии. В июле 1945 года в Румынии разрешение на выезд запросили 150 тысяч человек. Процесс нелегальной эмиграции из Польши начался уже в 1944 году. К 1948 году уехало почти 50% выживших (140 тысяч).

Жизнь после Холокоста наполняли страх, апатия и опасения за собственное будущее. Ничто уже не могло быть таким, как прежде. «Многие не понимали, что у нас, выживших, опустошена душа, что мы стали одной большой незаживающей раной. Внешнее было лишь камуфляжем, защитной броней, позволявшей нам жить среди нормальных людей», — вспоминает уроженка чешского города Колин Хана Гринфельд.

Хана Гринфельд и ее мемуары

К выезду подталкивали естественное желание бежать от мест, связанных с травмами прошлого, а также надежда отыскать за границей родственников. Свою роль играли новый политический и экономический порядок, в том числе национализация. Традиционные занятия еврейского населения, связанные с торговлей и мелким производством, не вписывались в рамки социалистической экономики. К тому же, пережившие Холокост были лишены средств к существованию, а их имущество конфисковали ранее на основании законов Третьего рейха.

Ситуацию осложняла послевоенная нищета. В Румынии экономические факторы, в том числе голод 1946-1947 годов, были одной из основных причин эмиграции. Так же обстояло дело в Болгарии. Когда в декабре 1944 года возглавлявший Еврейское агентство Давид Бен-Гурион посетил Софию, его ужаснул вид босых и полуголых еврейских детей, живших в холодных пустых домах.

Насилие

Отношения между значительной частью жителей Восточной Европы и выжившими евреями были, как пишут свидетели, напряженными. Следует ли считать это эвфемизмом? Нет, скорее обобщением разнообразных явлений — от классического антисемитизма до связанного с алчностью и бедностью насилия, оправданием которому служило убежденность в существовании еврейского коммунистического заговора. Подобная атмосфера способствовала погромам и проявлениям «бытового антисемитизма», о котором Василий Гроссман писал, что он бескровен, но порождает недоверие, зависть и обвинения.

Подоплека послевоенного антисемитизма в Восточной Европе была схожей: разрушение социальных норм в период войны высвободила (или усилила) коллективное насилие на почве предубеждений. Антисемитские клише получили новый фундамент. С одной стороны, евреи возвращались за своим имуществом, отнятым у них во время войны, с другой — считалось, что они обладали привилегированным статусом, получая политические посты и высокие должности. В Венгрии, Румынии и Словакии также боялись, что выжившие будут мстить коллаборационистам.

В свидетельствах, написанных на разных языках, звучат похожие зловещие истории о возвращении евреев в родные края. От Киева до Праги звучал вопрос удивленных соседей: «Ты что, жив?» или страшная фраза о «незаконченной работе Гитлера».

Дом №7 на улице Планты с фотографиями убитых здесь евреев, Кельце, 2000-е годы

На фоне напряженной атмосферы дело доходило до открытого физического насилия. В 1945-1946 годах антисемитские выступления и погромы произошли, в частности, в Кракове, Кельцах, Киеве, словацких Жилине, Комарно и Топольчанах, венгерских Озде, Мишкольце и Кунмадараше. Активное участие в погромах принимали местные жители, а также те, кто был должен следить за порядком: милиционеры и военные. Это не было чудовищным представлением, разыгранным по сценарию иностранных (советских) спецслужб. Взрыв случался от одной искры.

В Киеве беспорядки вспыхнули 7 сентября 1945 года во время похорон двух красноармейцев, которых застрелил старший лейтенант НКВД Розенштейн. Ранее семью одного из солдат выселили из квартиры после возвращения в нее хозяев-евреев (а проходившего мимо лейтенанта избили родственники выселяемых, после чего тот из пистолета ТТ застрелил нападавших, — прим. ред.). Во время похорон толпа в центре города выкрикивала антисемитские лозунги. В результате беспорядков, как сообщают разные источники, пострадали примерно сто евреев, 36 с тяжелыми ранениями попали в больницу.

В погроме в словацких Топольчанах 24 сентября 1945 года принимали участие три сотни жителей городка, в том числе 20 военных. Катализатором послужили слухи о том, что врач-еврей прививает христианских детей отравленными вакцинами. В ходе беспорядков были разрушены еврейские дома и магазины, пострадали 48 евреев. Эти события легли в основу нашумевшего документального фильма режиссера Душана Гудеца «Возлюби ближнего своего».

Кадр из фильма Душана Гудеца «Возлюби ближнего своего»

В августе 1946 года антиеврейские выступления начались в Братиславе. До 1948 года в Словакии убили как минимум 36 евреев. В Венгрии евреев обвиняли в спекуляции и ритуальных убийствах. Кроме того, там опасались выдвижения евреями имущественных претензий (эта тема звучит в фильме Ференца Тёрёка «1945»). В мае 1946 года в деревне Кунмадараш были убиты двое и ранены 15 евреев. Все началось со слуха, что евреи крадут христианских младенцев и делают из них колбасу. Летом 1946-го в Мишкольце толпа убила двух евреев.

Стереотипы

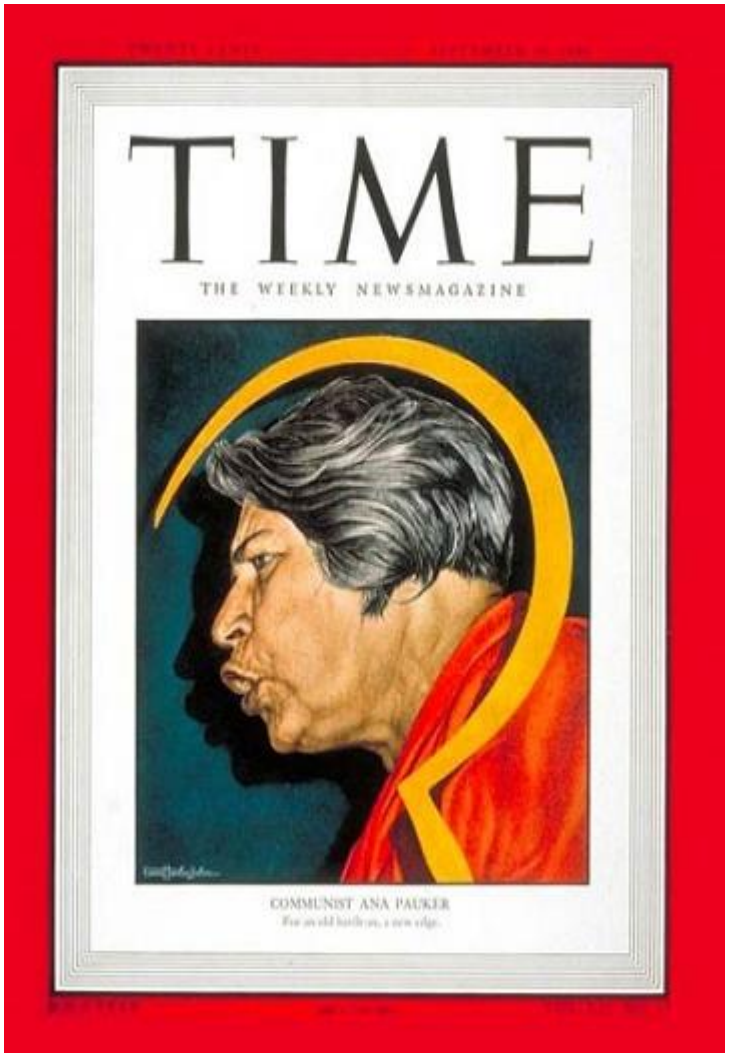
Детонатором везде служили сходные факторы: опасения, что придется возвращать евреям принадлежавшее им имущество, слухи, в которых звучали отголоски легенд о ритуальных убийствах, убежденность в том, что евреи с приходом новой власти получили привилегированный статус.

Распространение во всем регионе получила идея о еврейском коммунистическом заговоре, возникшая из-за присутствия в руководстве людей с еврейскими корнями. В некоторых ведомствах, в особенности на руководящих должностях, они действительно были заметны. Например, в Румынии в партийных структурах доля евреев не превышала 10%, но уже на высших должностях она достигала 60%. Между тем многие евреи-коммунисты начинали свой путь в коммунистическом движении еще до войны, руководствуясь левыми убеждениями, а некоторые считали, что только при власти левых сил евреи получат гарантии безопасности.

Но сколько «еврейского» было на самом деле в коммунистах, имевших еврейские корни? Какую роль происхождение играло в их деятельности? В Польше в этом контексте упоминают чаще всего Якуба Бермана и Хилари Минца.

Председатель Госплана ПНР Хиллари Минц

Глава МИД Румынии Анна Паукер на обложке TIME

В Венгрии еврейское происхождение имели многие важные коммунистические лидеры во главе с Матьяшем Ракоши. Повлияло ли это на политику Венгерской компартии? В 1946 году, незадолго до погрома в Мишкольце, сам Ракоши обращался к антисемитской риторике, критикуя в своих выступлениях спекулянтов, действующих на черном рынке. Один из лидеров Компартии Югославии Моше Пияде заявил делегату из Палестины, который, ссылаясь на происхождение собеседника, просил упростить связанные с эмиграцией формальности: «Фашисты пытали меня не как еврея, а как коммуниста».

Однако в обычной жизни таких нюансов никто не замечал. Миф о еврейском коммунистическом заговоре стал проклятием всех выживших и вскоре в соответствии с указаниями Москвы был использован в политической игре. В начале 1950-х годов в Чехословакии, Венгрии и Румынии прошли громкие судебные процессы над высокопоставленными партийцами, которых обвиняли в сионизме и космополитизме. Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии Рудольфа Сланского казнили, министр иностранных дел Румынии Анна Паукер оказалась в тюрьме. Казавшийся всемогущим Матьяш Ракоши в 1953 году услышал от Лаврентия Берии, что в Венгрии было много королей-иностранцев, но короля-еврея никто терпеть не станет. Тремя годами позднее Ракоши лишился власти. У сторонников идеи еврейского заговора эти эпизоды теряются во мраке других теорий. Они предпочитают также не думать о том, что большинство уцелевших во время Холокоста евреев, которые жили в Восточной Европе, покинули свои родные края, а те, кто остался, столкнулся с волной преследований.

Магдалена Семчишин, Polityka (Польша)

Публикуется в сокращении